

Фран смотрит то на меня, то на Гила, затем медленно начинает говорить.

— Обязанность духовенства в синих робах — распределять благословения богов, или говоря иначе — создавать быт своим подчинённым. Жрецам и жрицам в синих робах полагаются помощники. Первые должны предоставить одежду и кров последним.

— Поскольку у меня нет комнаты в храме, — досадно начала я, — получается, что мои помощники должны жить в детдоме?

Фран медленно кивнул.

— По сути, да. Кроме того, что касается питания: сначала ест жрец, потом помощники и ученики, и если что-то остаётся, то это, в качестве благословения, доставляется в детдом. Не сложно заметить, что первому в этой цепочке, достаётся намного больше еды, чем остальным.

Я не хотела расставаться со своей семьей, поэтому решила во что бы то ни стало не попасть в приют. Даже и представить не могла, что подобное могло бы негативно отразиться на моих помощниках.

— Фран, получается, что когда тебя перевели от отца Фердинанда ко мне, ты был вынужден жить в детдоме?

Если это так, то из-за его понижения и новых условий жизни, он должен быть в депрессии. Фран исключительно полезен, но я так ничем и не отплатила ему за это. У меня в планах было разориться на его выходной, однако не помешало бы поговорить с главным священником, на тему улучшения жизни моего помощника.

— Нет, я не покидал своего места жительства. Делия, как я полагаю, тоже осталась жить там же, где и жила. Помимо этого, когда вы не в храме, я помогаю отцу Фердинанду, там самым зарабатывая себе право питаться у него.

Хм-м-м, если подумать, главный священник говорил, что сильно завален работой, а это значит, что он бы не отказался от помощи Франа. Теперь, зная это, я могу вздохнуть с облегчением, понимая, что не обречла Франа на что-то ужасное.

— Может ли Гил вести себя так, из-за ранее озвученных причин?

— Я полагаю, что он ведёт себя так из-за того, что его ожидания не оправдались. В детдоме, независимо от того, выполняет ли кто-то свою работу или нет, благословения богов распределяются поровну. Однако, зачастую, те кто выполняет свою работу плохо — заменяются. Лично я думаю, что требовать благословения уровня помощника, не выполняя работу помощника — гадко.

Фран, наполненный гордостью и уважением к своей работе, ненадолго бросил взгляд на Гила.

— ...То есть, на твой взгляд, проблема не во мне?

— Да, сестра Мэйн.

— Тогда, наверное, мне не стоит двигаться в направлении получения комнаты, ведь это может ухудшить твоё положение. Это правильный ход мысли?

Он на мгновение делает паузу, возможно, сравнивая, как обстоят дела сейчас, с тем, что было бы, если бы у меня была собственная комната.

— ...Конечно, сестра Мэйн, — сказал он и легонько кивнул.

Только я подумала, что этот разговор закончен, как Гил снова начал своё твяканье.

— «Да, Фран», «Фран, ну», а как насчет меня?! Я тоже помощник, как и он!

— ...Тебе не кажется, что это не так? Ты ясно дал понять, что не считаешь меня своей госпожой, не правда ли? Почему ты думаешь, что я, а не твой господин, должна обеспечивать тебя?

Независимо от моего взгляда на это, ничто из того, что он сделал, не похоже на действия помощника, желающего улучшить свои условия труда.

Это твой долг как священника в синей робе! Ч... что бы изменилось, если бы я выполнял свою работу, пока ты отказываешься предоставлять еду и крышу над головой?!

Я заплачу тебе, — коротко ответила я.

Я решила, что раз уж Бенно платит Марку и Лютцу, то и я могу платить своим помощникам. Конечно, в зависимости от объема выполненной работы и качества её результата, их зарплата будет меняться. Я бы ни за что не заплатила Гилу, такую же зарплату как и Франу.

—...Что такое «заплачу»?

Гил моргнул несколько раз, наклонив голову в замешательстве. Лютц выпустил пару смешков и начал говорить.

— Что, ты серьезно не знаешь? Когда ты работаешь, тогда тебе платят. Это всё знают, так?

— Н-нет, не все.

— Плата — награда за работу. Это деньги, которые получают помощники, работающие на меня.

— Деньги? ...Ах, ахх, деньги, хах.

Судя по его виду, Гил ничего не знает о деньгах, однако когда он и Лютц пересеклись взглядами, Гил сделал такое выражение, будто преисполнен пониманием.

— Я, со своей стороны, — произнесла я, — чувствовала бы себя обязанной поговорить с главным священником о комнате для столь трудолюбивого человека, как Фран, но я не вижу необходимости заниматься такими переговорами для кого-то вроде тебя, Гил. Честно, даже на миг не задумываюсь об этом. К тому же, не исключено, что это отнимет время, отведённое мне на чтение.

Моё время в храме, тратится на помощь главному священнику и на приём пищи, который я не имею права пропускать. Это отнимает огромное количество времени, которое я бы могла тратить на чтение, так что я бы не хотела потерять его ещё больше.

— Итак, Фран, не мог бы ты проводить меня к покоям главного священника? Я буду помогать ему с его документами сегодня утром.

— Конечно, сестра Мэйн.

Фран начал идти. Я с Лютцем отправилась за ним. Гил плёлся за нами в самом конце.

— Эй, — одёрнул меня Гил, — если я буду делать свою работу, всё станет хорошо?

— Именно так, — ответила я. — Я сполна заплачу тебе за качественную работу.

— Прошу прощения за вторжение, отец Фердинанд, — произнёс Фран, заходя в покои главного священника. — Сестра Мэйн прибыла, чтобы увидеть вас.

Главный священник оторвал взгляд от своего стола.

— Ах, вы прибыли? Как вы себя чувствуете?

— Спасибо за беспокойство, отец, — ответила я, — я чувствую себя неплохо. У меня есть предположение, что мой предыдущий обморок мог быть последствием освящений. Может ли ухудшиться физическое состояние человека, когда в его теле мало маны?

Он положил ручку и начал смотреть куда-то в сторону, словно пытаясь пробудить глубинные воспоминания.

— Мне известны примеры гибели в случае истощения маны, однако я никогда не слышал, чтобы кто-то претерпевал недомогание из-за недостатка маны. Скорее всего, это особенность болезни «пожирания».

— Особенность «пожирания»? — удивилась я.

— Да, это не исключено. Сейчас носители этой болезни встречаются редко, да и к тому же, они умирают ещё в детстве, поэтому мы очень мало знаем о ней. Не думаю, что на данный момент, мы бы могли найти человека, который был бы носителем столь выдающегося объёма маны и при этом был бы жив. Однако, это только подогревает мой интерес к таким людям.

Он пристально смотрит на меня, взглядом безумного учёного, который только что нашел идеальный предмет исследования. У меня от этого мурашки по коже. Сопrotивляясь непреодолимому желанию убежать, я меняю тему разговора.

— У меня есть другой вопрос. Если мне не изменяет память, иногда священнослужителей в синих робах посылают в дворянский квартал, для проведения ритуалов, верно? Нужна ли для этого какая-то особая одежда, которую мне необходимо приобрести, или?..

— Есть ритуалы, которые проводятся ежегодно, но их не проводят такие ученики, как вы. Касательно одежды: нет никакой конкретной одежды, всё что нужно — носить церемониальную синюю робу... Кстати, где ваша роба?

Когда он упомянул это, я вдруг вспомнила, что до сих пор не надела свою робу.

— Мне сказали, что для меня было бы опасно ходить в робе вне храма, поэтому я собирался надеть её, когда прибуду сюда.

— И что же в этом опасного?

— Меня могут принять за дворянского отпрыска, похищенного с целью получить выкуп. Одну минуту, пожалуйста, если можно...

Я потянулась в корзину Лютца, которую он поставил у своих ног, чтобы достать робу с поясом.

— Что ты?.. — удивлённо спросил Лютц.

Хочу надеть свою одежду. — спокойно ответила я.

Я ныряю головой в робу, аккуратно расправляя ткань, чтобы ненароком не зацепиться шпилькой, после чего, просовываю голову через горловину. Покончив с этим, я обнаружила Франа, опустившегося на колени рядом со мной. Его рука была вытянута вперёд, а лицо выражало чувство неловкости.

— Что-то не так, Фран?

— ...Я собирался помочь вам одеться. — сказал он, всё с той же эмоцией на лице.

— Ах, эм... не мог бы ты помочь мне с моим поясом, пожалуйста?

Наверное, мне не стоило одеваться самой. Нужно как-то узнать, что входит в перечень обязанностей помощника. Пока я стояла с поднятыми руками, а Фран надевал пояс, главный

священник смотрел на меня с некоторым раздражением.

— Мэйн, пожалуйста, переоденьтесь в своей комнате. Это выглядит неприлично.

Неожиданно тема собственной комнаты встала сама по себе. Поскольку переодеваться мне нужно каждый день, думаю, мне нужно попросить для этих целей раздевалку или кладовую.

— ...Выделите мне комнату?

— Нет, я оговорился. Когда говорил на эту тему с Преподобным, я попросил его выдать вам комнату в дворянской части храма, на что получил радостный отказ. Таким образом, вы получили право жить дома. Теперь, я уже не смогу помочь вам с получением комнаты.

Даже и предположить не могла, что главный священник окажется единственным из священников, кто считал, что моё проживание дома — хорошая идея. Кажется, ему пришлось вывернуться на изнанку, чтобы добиться её реализации.

— Гм, отец Фердинанд, разве нет комнат помимо тех, которые расположены в дворянской части храма?

Эта фраза, кажется, застигла его врасплох. Он так сильно нахмурился, что у меня создалось впечатление, будто он меня совершенно не понял. Его взгляд, наполненный недоумением, тут же мотивировал меня на отчаянные попытки объясниться.

— Насколько вы знаете, хотя я и ношу синюю робу, я не дворянин. Поэтому я не ожидаю, что мне выдадут комнату, отведённую для знати. Мне просто нужно место, где я бы могла переодеваться, хранить свои вещи и встречать гостей. Может быть для этого подойдёт кладовая?

От изумления, главный священник широко раскрыл глаза.

— Вы хотите принимать гостей в кладовой?! — гневно воскликнул он. — Как вы можете позволять себе такую бестактность?!

Действительно, это было бы неприлично, однако то, в каком положении вынуждены находиться мои гости сейчас — намного более неприлично.

— Я понимаю вас, — продолжила я, — но в данный момент у меня даже нет места, где я бы могла хранить вещи. Помимо этого, когда Лютц пришёл на встречу со мной, ему сказали ждать меня за воротами храма. Полагаю, что это тоже пример бестактного, неуважительного отношения.

— Даже если гость ожидает за воротами не долго — это не то отношение, которого достойны гости жилицы в синей робе — сказал он и выражая усталость, начал потирать виски. — Я

поговорю с привратниками, что бы они провожали ваших посетителей в комнату ожидания.

Похоже, что с простыми посетителями обращаются не так, как с посетителями пришедшими к священнику в синей робе. Вообще, это выглядит так, словно он напоминает себе, что я не просто обычная девушка, а ученица в синей робе.

— ...Отец Фердинанд, — вежливо начал Арно, — не могла бы сестра Мэйн пользоваться кабинетом директора детдома? Он находится достаточно далеко от жилищ знати, а помимо этого, раньше им пользовалась жрица в синей робе, так что это будет как раз для Мэйн.

Когда он сказал это, другие священники в комнате начали еле заметно перешёптываться. Главный священник застыл с задумчивым видом, но спустя мгновение, одобрительно кивнул.

— Отлично. Мэйн, вы можете пользоваться кабинетом директора детдома. Используйте его для приёма гостей и переодевания. Когда вы закончите с работой, Фран проводит вас к нему.

— Извините если я требую выше дозволенного, — издалека начала я, — но можно ли мне отправится туда раньше? Лютц прибыл со мной, чтобы проконсультироваться с Франом, на тему моего здоровья. Им понадобится место, где они могли бы говорить, не создавая никому неудобств.

Я думала, что мои слова изменят его мнение, но в ответ, он отрицательно покачал головой.

— Кабинет директора давно не использовался и без генеральной уборки там делать нечего, так что вам придётся подождать. Раз уж вы работаете именно в этом помещении, то пусть ваш гость говорит прямо тут. Фран, отведите его к тому столу.

— Спасибо, отец Фердинанд, — отблагодарил его Фран.

Фран и Лютц подошли к столу, на который указывает главный священник. Наблюдая за тем, как они шли, я обнаружила, что Гил, изнемогающий от скуки, последовал за ними.

— Отец Фердинанд, — обратилась я, — если моя комната в настолько плохом состоянии, то разве это не повод отправиться туда и заняться её уборкой? Поскольку мне нужно работать, я не могу это сделать, но я могу поручить это Гилу.

— Что? Мне? — удивлённо воскликнул Гил.

Гил, потрясённый услышанным, тычет указательным пальцем в свою грудь и судорожно смотрит по сторонам, желая убедиться, действительно ли я говорила о нём. Священники, услышав моё заявление, смотрят друг на друга в шоке.

— Неужели она доверит это ему? — пробормотал один.

— Я слышал, что его отправляли в комнату размышлений, из-за отказа подметать зал поклонения. — ответил другой.

Похоже об отсутствии трудовой этики Гила слагают целые легенды.

— ...Хм? — чутким тоном сказала я. — Разве ты это не умеешь?

— Конечно же умею. Я сделаю это.

— Ах, — ответила я, — с нетерпением жду встречи с результатами твоей работы. Постарайся!

После нашего разговора, главный священник дал ключ молодому священнику в серой робе, который затем вывел Гила из комнаты. Главный священник смотрел на них, пока они не закрыли за собой дверь, после чего, он направил взгляд на меня.

— Ты уверена, что это была хорошая идея? — спросил он.

— Если я не дам ему работу, то не смогу оценить его по достоинству. — объяснила я.

К тому времени, когда молодой священник вернулся, Лютц и Фран уже во всю обсуждали тему моего здоровья, а я уже начала помогать главному священнику с бумагами.

Сегодня мне поручена работа по балансировке гроссбуха.

— Поскольку вы торговец, это должно быть просто. — сказал главный священник.

Сами расчеты достаточно просты, но независимо от того, насколько сильно он верит в мою способность справиться со всем этим самостоятельно, я немного озадачена. В частности, здесь есть несколько вещей, которые мне совсем незнакомы.

— Вычисления такие же, как у меня, — сказала ему я, — но похоже, что учёт храма отличается в нескольких местах от того, с чем я обычно сталкивалась. А что такое, «воля богов»? Кажется, это самая часто встречающаяся позиция в расходах.

Так же в расходах мне повстречались: «подношения богам», «цветы богам», «вода богам» и даже «любовь богов». Размышления о том, что мне нужно разобраться во всем этом, заставили меня ужаснуться.

Главный священник, с ничего не выражающим лицом, начал отвечать на мой вопрос.

— Может быть, это слишком много и тут какая-то ошибка. — пробормотал он про себя, указывая на позицию в грессбухе.

— ...За сегодня, вы должны подготовить эти цифры для меня. — сказал он.

— Да, всё будет готово. — пообещала я. — ...Лютц, можно мне одолжить твой планшет? Кажется я забыла свой дома.

— А? Ох, да, сейчас.

Лютц роется в своей корзине, затем вытаскивает планшет из одеяния ученика. Он даёт его мне, после чего, я начинаю работать с числами в указанной части грессбуха. Увидев это, главный священник принял такой вид, будто увидел что-то необычное, но поскольку он не задает никаких вопросов, я игнорирую это и концентрируюсь на работе.

— ...Вы быстры. — подметил он.

— Ах, я? — неуверенно ответила я.

После истории с воротами, мне не сложно заниматься подобным. Подобная математика пробуждает во мне тоску по электронному калькулятору.

Пока я усердно кропотала над цифрами, прозвучал четвёртый звонок, сигнализирующий о том, что настал обед.

— На сегодня всё. — сказал главный священник. Когда он произнёс это, священники в комнате засуетились, начав наводить порядок.

— Мэйн, — обратился он, — это ключ от комнаты директора приюта. Пожалуйста, чтобы не потерять его, отдайте его Франу. И ещё, вот ваша часть пожертвования, возьмите.

Он вручил мне одну большую и шесть маленьких серебряных монет.

— Поскольку теперь у вас есть комната, вам пригодиться это.

Он направил взгляд на одну из полок в углу, где аккуратно сложены подарки принесённые Бенно. Я потеряла сознание ещё до того, как к ним успели притронуться, потому они остались ровно там, где их положили. Мелко плетёная ткань, полный горшок риншама и стопка бумаги на растительной основе, аккуратно завернутая в ткань.

Фран берёт подарки, Лютц корзину, а я — ключ. После этого, мы отправились к кабинету директора. Пока мы шли, Фран начал говорить о кабинете.

— Два трехэтажных здания, расположенных по обе стороны от молитвенного зала — здания детского дома. Мальчики с девочками живут отдельно, каждый в своём здании. Кабинет директора находится в общежитии для мальчиков.

— А? Разве человек, владевший этим кабинетом, не был жрицей? Тогда почему её кабинет был в общежитии мальчиков?

Фран принял растерянный вид. Его взгляд хаотично перемещался, не концентрируясь ни на чём. Эта странная сцена кончилась его едва слышными смешками.

— Я думаю, было бы лучше, если бы вы не знали этих деталей. — заявил он.

— ...Понятно.

Любопытно, что он скрывает... Судя по его ответу, он точно решил держать рот на замке, так что я не смогу вытащить из него информацию.

— Детдом находится крайне близко от ворот. — сказал Лютц. — Это как раз кстати. Приходя в храм, тебе не нужно будет ходить далеко, чтобы переодеться.

— Действительно. Это положительный момент. — подметила я.

— Сестра Мэйн, — обратился ко мне Фран, — вход в кабинет директора находится на противоположной стороне здания у ворот, так что от него до дворянской части храма идет прямой путь. Вход в кабинет отделён от главного входа в здание. Пожалуйста, не перепутайте входы.

Я пытаюсь скрыть свое усиливающееся волнение. Основываясь на том, что Арно поведал о кабинете, а также на факте того, что главный священник не хотел её выдавать, и на факте, что она находится в общежитии для мальчиков — у меня возникает стойкое чувство, что мне не стоит туда заселяться.

Вот мы и прибыли, сестра Мэйн.

Входная дверь была слегка приоткрыта. Похоже, уборка шла полным ходом. Когда Фран распахнул дверь, Гил стоял неподалёку от неё, гордо выпятив грудь.

— Хе-хе, как тебе моя работа?

По ту сторону двери, находится небольшой коридор, который, судя по всему, выполняет функцию приёмной. Если посмотреть в его дальнюю часть, то там виднеется лестница, ведущая наверх. Если говорить о комнате, то одна её половина была крайне чистой, а вторая — оставляла желать лучшего.

— Часть комнаты действительно чистая. — подметила я.

Когда я отправилась к двери с правой стороны коридора, Гил преградил мне путь.

— Я еще не дошел до этого. — оправдался он.

Оглядывая комнату, я обнаружила другую дверь, которая располагалась слева. Когда я повернулась к ней, Гил снова остановил меня.

— И до неё тоже не дошел. — заявил он.

Я снова оглянула комнату, но не нашла ещё каких-либо дверей.

— Гил, где именно ты убрался?

— Очевидно, в твоей комнате! Я решил отложить уборку в других комнатах, ведь если ты и будешь их использовать, то точно не сейчас.

Гил поднимается по лестнице, ворча себе под нос, что он приложил столько усилий для очистки коридора, а единственное на что я обращаю внимание — насколько грязно всё остальное. Интересно, что он делает приоритет на те части кабинета, которые понадобятся мне в первую очередь. Это крайне приятная сторона этого человека. Смотря на лестницу,

отчищенную до блеска, я еле удержалась от смеха.

В конце лестницы располагается комната знати. Она довольно большая, с множеством предметов интерьера. В центре этой комнаты, предназначенной для приема посетителей, находится круглый, роскошно украшенный стол с четырьмя стульями вокруг него. У одной из стен стоит шкаф для одежды, набор полок и деревянный ящик, вырезанный из массивного, великолепного дерева. В углу находится большая кровать.

Эта комната не особо отличается от кабинета главного священника. Судя по изобилию изысканной мебели, не сложно догадаться, что предыдущая владелица была молодой дворянкой.

— Кто-нибудь использует эту мебель? — спросила я. — Она очень мило выглядит.

— Это мебель предыдущей владелицы. — ответил Фран.

— Предыдущей... понятно. Не буду спрашивать. Мне будет приятно использовать эту мебель для своих нужд.

Не испытываю особого желания, тратить кучу денег на покупку новой мебели, поэтому придётся обойтись без лишних вопросов.

Я попросила Франа положить подарки Бенно на одну из полок. В шкаф я планирую убрать синие робы и красивую одежду.

— Спасибо, Гил. Это место выглядит великолепно.

— Гм?! Ах? Д-да. В смысле, ну да. Конечно всё выглядит отлично, ведь этим занимался я.

Он попытался скрыть лицо, отвернув голову в бок, но я все ещё вижу его щёки, пылающее так, будто его похвалили первый раз в жизни. Он поглядывает на меня, а в его взгляде читается желание получить ещё больше похвалы. Сразу видно, что он не привык слушать такое. Поскольку он был назначен мне, чтобы выводить меня из себя, нетрудно догадаться, что он был проблемным ребёнком, которого то и дело ругали и никогда не хвалили.

Одна из основ воспитания — это похвала ребёнку, когда он все делает правильно.

— Гил, я хотела бы еще похвалить тебя, так что присядь около меня, пожалуйста.

— А? Вот так?

Гил встаёт на колени. Похоже, причина по которой он так быстро принял эту позу, кроется в его воспитании. Теперь, когда его голова ниже моей, я протягиваю руку к его ярко светлым волосам. Гил, не понимая, что я собираюсь с ним сделать, смотрит как моя рука приближается, с крайне двусмысленным выражением лица.

— Ты такой хороший мальчик, Гил. — сказала я, поглаживая его по голове. — Ты сделал всё очень хорошо.

Если бы я поступила так с Лютцем, он бы сказал мне, чтобы я не относился к нему как к ребенку. Гил на мгновение сильно разволновался, его глаза широко раскрылись, и возникло ощущение что он вот-вот заплачет. Он опустил голову вниз, чтобы скрыть своё лицо, тем самым мотивировав меня отвести от него руку. Когда я сделала это, он, едва слышимым голосом, сказал: «Ещё, пожалуйста».

— Как же ты хорошо убрался здесь. — хвалю его я. — Ты, должно быть, очень много работал, чтобы добиться такого результата.

Пока я глажу его, а он стоит на колени, его уши пылают огнём. Мне очень хочется посмотреть на его лицо, но я отговариваю себя от этого.

Я усвоила ценный урок. Вещи, которые я должна дать Гилу, — не еда и кров, а то, что не может дать ему детдом — благодарность и похвала.

<http://tl.rulate.ru/book/6509/417620>